

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

Понятие ‘страсть’ как компонент категории оптативности (на материале польского, русского и чешского языков)

© доктор филологических наук Н.Е. Ананьева 2009

*О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти*

*.....
Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.*

Б. Л. Пастернак

Профессор Александра Григорьевна Широкова была тем человеком, к научному творчеству, педагогической деятельности и личностным свойствам которого в полной мере приложимы слова «одержимость», «горение», «страстность», «энтузиазм», «пассионарность». Поэтому в сборнике, выходящем в честь ее 90-летия, мы посчитали уместным предпринять исследование понятия ‘страсть’ как составляющего лексико-семантического поля (далее ЛСП) оптативности (желательности, дезидеративности). Проведенный анализ является продолжением цикла наших работ о лексических и фразеологических компонентах концептуального поля оптативности в польском и русском языках [Ананьева 2005: 109-124; Ананьева 2007: 424; Ананьева 2009].

В данной статье, посвященной светлой памяти выдающейся советской и российской богемистки, приводится также соответствующий чешский материал, который, с одной стороны, расширяет представление о возможных компонентах ЛСП дезидеративности в славянских языках, а с другой, демонстрирует изначальную амбивалентность лексемы **strastь*. При исследовании лексической и синтаксической сочетаемости компонентов ЛСП дезидеративности мы ограничиваемся примерами из русского и польского языков, почерпнутыми, главным образом, из лексикографических источников и в меньшей степени из художественных произведений.

Русское существительное *страсть* и его польские эквиваленты занимают в ЛСП оптативности не такое центральное место, как нейтральные по значению и стилистически немаркированные *желание-хотеть* или польск. *chęć – chcieć* (подробнее о них см. [Ананьева 2005]) и даже более периферийное польск. *pragnienie – pragnąć* [Ананьева 2007; Ананьева 2009]. В ЛСП оптативности русск. *страсть* входит в следующие современных значениях:

1. 'крайняя степень увлечения чем-либо';
2. 'чувственное влечение, горячая любовь к кому-либо'.

Таким образом, по значению это существительное и соотносящиеся с ним определители (*страстный* 'увлеченный', *страстно* 'увлеченно' – т. е. 'с огромным желанием, интересом' или 'с вожделением') обозначают высокую и даже крайнюю степень увлечения чем-либо / кем-либо, т. е. крайнюю степень *желания* что-либо сделать, чем-либо заниматься или чем-либо / кем-либо обладать. То, что в понятии 'любовь' содержится дезидеративный семантический комплекс, убедительно показал С. Г. Воркачев [Воркачев 2007: 285].

О синонимии 'нежной страсти' и 'любви' свидетельствуют строки А.С. Пушкина из «Евгения Онегина» об Овидии, который воспел «науку страсти нежной». Как известно, трактат Овидия Назона именовался «*Ars amatoria*», т. е. «Наука *любить*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Н. А.).

Современные омонимичные субстантив *страсть* 'ужас, страх' (а в «страсти Христовы» и 'страдание') и просторечное наречие *страсть* 'ужасно' генетически соотносятся с лексемой *страсть*, являющейся периферийным компонентом ЛСП оптативности, восходя к **strachъ*, **trat-*, **(s)trad-* и под. Ср. приводимое В.В. Виноградовым обыгрывание А.С. Пушкиным этой лексической омонимии в примечании к III главе «Евгения Онегина», которое не вошло в печатный текст, а затем в слегка модифицированном виде было включено в «Путешествие из Москвы в Петербург»: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, *по страсти* ли вышла она замуж. – «*По страсти*, – отвечала старуха: – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». – Таковые *страсти* обыкновенны».

В.В. Виноградов обращает внимание на то, что каламбурное сопоставление литературного слова *страсть* 'увлечение, чувственная любовь' с народно-разговорным *страсть* 'страх' проведено писателем «для выражения глубоких социальных контрастов» [Виноградов 1954:19].

Этимологическая связь между **strastъ* и **strachъ* «проявляется» в простонародном *Страшная* (литер. *Страстная*). Например, у А.Н. Островского в «Невольницах» пьяница Мирон так говорит о своем грехе пьянства: «С Мироносицкой предел положил. Думал еще со *Страшной* закончить...» [Островский 2008, 6:8].

Сразу отметим, что в польском языке отсутствует аналогичная лексема (**straść*) не только как обозначающая 'увлечение, чувственную любовь', но и с какими-либо другими значениями. Морфонологический вариант с *d-* (*strad*) представлен в современном польском литературном языке только в *postradać* (*postradać zmysły* 'пострадать умом, т. е. ли-

шиться разума'). В древнепольском языке круг лексем с этим корнем был шире: частотным в текстах является глагол *stradać* 'терять, лишаться', употребляются прилагательное *stradny* (диал. *stredny*) 'нищий, несчастный, убогий' и существительное *stradnik* (им. мн. *stradnicy*) 'нищий, несчастный'. Например: *stradnikv nōdzny* в «Житии св. Блажея», *stradnici* в произведении Енджея Галки «Pieśń o Wicklefie» (1449 г.) – *A po niem [po Lassocie] laici, / obludzeny fschiczci, / przedzz [przezoż] gich dziedzici, / namiastkowie stradnyci / sō w welikey tszczi[c]i* [Vrtel – Wierczyński 1969:192].

В корне с глухим вариантом (*trat-*, производные – *utrata*, *strata* и под.) представлено только значение 'терять, утрачивать'.

В чешском языке лексема *strast*, как и в словацком, присутствует, но не входит в ЛСП желательности, поскольку имеет значение, представленное в русск. *страдание* (а также в *страсть* в словосочетании «*страсти Христовы*» и первой части композита *страстотерпец*, т. е. 'пре-терпевающий *страдание*, *мучение*') и польск. *cierpienie*. Ср. чешск. существительное *strast* 'страдание, мучение; печаль, горе', во мн. ч. *strasti* 'страдания, мучения'; прилагательные *strastiplný*, *strastný* (жизнь и т.д.) 'полный/исполненный страданий, страдальческий'; префиксальный дериват от *strast* – *soustrast* 'сострадание, сочувствие; соболезнование' (ср. польск. *kondolencja* для значения 'соболезнование'); производное прилагательное от *soustrast* – *soustrastný* 'сострадательный, сочувственный, соболезнующий' (ср. чешск. *projevit soustrast* – польск. *złożyć kondolencje* – русск. *выразить соболезнование*).

Русскому *страсть* со значениями, обуславливающими его вхождение в ЛСП дезидеративности, соответствуют чешск. *vášeň* (родственно польск. *waśnia* 'ссора'), польск. латинизм *pasja* и исконно польские восходящие к **тънѣти* однокоренные *namiętność* и *zapamiętałość*. Понятие 'страсть' в качестве компонентов ЛСП желательности выражают также производные от этих существительных дериваты, инвентарь которых будет представлен ниже при сопоставительном анализе состава словообразовательных гнезд русск. *страсть*, польск. *pasja*, *namiętność* и *zapamiętałość*.

Если русская лексема *страсть* многозначна, а в чешском ее значения распределены между *strast* и *vášeň* (кроме того, в качестве синонима к *strast* выступает, как и в русском, существительное *strádání* 'страдание, муки'), то польск. *pasja*, подобно русск. *страсть*, также полисемантическая. О многозначности польского латинизма *pasja* так пишут издатели сборника польских рассказов «*Opowiadania pełne pasji*» (Warszawa, 2008) в аннотации, помещенной на обложке книги: «Niewiele jest w języku polskim słów o tak różnych znaczeniach i odcieniach jak pasja. Pasja może oznaczać ochotę, namiętność, gniew lub cierpienie. Mówiąc «pasja» myślimy o silnym, namiętnym upodobaniu do czegoś. Przychodzi

nam na myśl szlachetna, twórcza pasja. W innej sytuacji możemy użyć tego słowa mówiąc o gniewie czy nawet furii. Miewamy własne pasje lub doprowadzamy kogoś do pasji. Pasja może mieć również znaczenie religijne, wtedy oznacza mękę. «Opowiadania pełne pasji» muszą więc być zbiorem pełnym namiętności. Jedenastu pisarzy zmierzyło się z tym tematem z prawdziwą pasją. A wydawcy pozostaje mieć nadzieję, że zbiór ten okaże się po prostu pasjonującym». [Opowiadania pełne pasji 2008]. – «В польском языке существует немного слов с такими различными значениями и оттенками значений, как *«pasja»*. *«Pasja»* может обозначать желание, страсть, гнев или страдание. Говоря *«pasja»*, мы думаем о сильной, страстной увлеченности чем-либо. Тогда мы имеем в виду благородную, творческую страсть (*pasję*). В другой ситуации мы можем употребить это слово, говоря о гневе и даже ярости. У нас бывают собственные *«pasje»* или мы доводим кого-либо до *«pasji»*. *«Pasja»* может иметь также религиозное значение, тогда она обозначает мучение (страдание). Таким образом, «Рассказы полные *«pasji»* должны быть сборником, полным страсти. Одиннадцать писателей попробовали одолеть эту тему с подлинной страстью (*pasją*). А издателю остается надеяться, что это издание окажется просто-таки увлекательным (*pasjonującym*)». Добавим, что религиозное значение польск. *pasja* включает не только ‘муки, страдание’ (русск. *страсти Господни, страсти Христовы*, ср. *страсти по Матфею* и по этому типу образованное название фильма Андрея Тарковского «*Страсти по Андрею*»), но и музыкальное вокальное или вокально-инструментальное произведение, опирающееся на евангелический рассказ о муках Христа, в живописи – цикл сцен, изображающих муки Христа, а также великопостное богослужение (*pasja=nabożeństwo pasyjne*). С религиозным значением связана и лексема *pasjonat* ‘жития святых’ (т. е. претерпевших муки, страдания).

К ЛСП ‘желание’ относится, естественно, только часть семантического объема лексемы *pasja* (то, что обозначено в вышеприведенной аннотации синонимами *ochota* и *namiętność*).

Спецификой словообразовательных гнезд входящих в ЛСП оптативности исконно польских лексем по сравнению с латинизмом **pasja** является наличие в них определителей (**namiętny, namiętnie, zapamiętały, zapamiętale**), что объединяет эти лексемы с русск. **страсть (страстно, страстный)**, и отсутствие глаголов. Адъектив *pasyjny* употребляется только в религиозном значении: ‘относящийся к Христовым мукам/страстям Господним или к соответствующему богослужению’ (*nabożeństwo pasyjne; obrazu, sceny pasyjne*). Одновременно, как и от **страсть**, от польск. **namiętność** образован деминутивный дериват с пейоративной семантикой (ср. **глупая, мелкая, позорная страстишка** – *namiętnostka*), что недопустимо для польск. **pasja**, соотносящегося только с субстантивами с семантикой лица (**pasjonat** «любитель чего-

либо, увлеченный чем-либо», **pasjonatka** «то же самое женского пола»), мотивированными глаголами **pasjonować (się)** «увлекать(ся)» или глагольным словосочетанием **mieć pasję (do czegoś)**. В ЛСП оптативности входит также употребление в адъективной функции производного от глагола *pasjonować* причастия **pasjonujący** «увлекательный, захватывающий».

В словообразовательное гнездо русск. **страсть**, помимо деминутива, определителей **страстно**, **страстный** и производного от адъектива *страстный* существительного **страстность** со значением «проникнутость страстью, чувством любви; чувствительность», входит также субстантив **пристрастие** в значении «увлечение чем-либо». Лексема *пристрастие* имеет не только значение «склонность, увлечение чем-либо», но и более узкое значение «необъективное, предвзятое отношение к кому-либо, необъективное предпочтение кого-либо, чего-либо» (так же как и соотносящиеся с ней определители *пристрастный* и *пристрастно*). Каузатив **пристрастить** «склонить к занятию чем-либо» (т. е. каузировать, вызвать пристрастие к чему-либо) и рефлексив **пристраститься** «получить сильное влечение, желание к чему-либо» также входят в ЛСП оптативности. Композит со значением лица **страстотерпец** не является компонентом ЛСП оптативности, поскольку соотносится с иным значением многозначной лексемы *страсть*, а именно «страдание».

Помимо лексемы **страсть** и однокоренных с ним существительных и определителей, в ЛСП оптативности в русском литературном языке входят также композит **сладострастие**, обозначающий «сильное чувственное половое желание, вожделение, похоть», и образованные от него прилагательное **сладострастный** и существительное **сладострастник**.

Устаревшим синонимом к **сладострастию** является субстантив **сластолюбие**, который, как и производные от него **сластолюбивый** и **сластолюбец**, также являются компонентами ЛСП оптативности.

И в польском, и в русском в ЛСП дезидеративности входит также ироническая номинация объекта увлечения / желания **pasja, пассия** (*twoja pasja przyszła – твоя пассия пришла*), а в русском употребляющаяся в этом (и в более широком) значении лексема **симпатия**, лишенная в современном русском языке генетической «сострадательной» семантики.

На периферии подполя «страсть», входящего в ЛСП оптативности, находится активно употребляющаяся после выхода в свет работ Л. Н. Гумилева лексема **пассионарность**. Остальные в разное время заимствованные лексемы (так называемые «европеизмы» или «интернационализмы») с корнями **пат-/ пас-/ пац-/ паф-** (ср. русск. **пафос**=польск. **patos**, **пациент**, **пассив** и мн. др.) не имеют никакого отношения к ЛСП желательности ни в польском, ни в русском языках.

Таким образом, понятие ‘страсть’ как компонент ЛСП оптативности выражается в большей степени именами (субстантивная и адъективная репрезентация для русск. *страсть* и его дериватов, польск. *amiętność* и *zaramiętność* и соотносящихся с ними однокоренных слов, польск. *pasja*), в меньшей – глаголами и образованными от этих глаголов именами лиц (составляющие словообразовательного гнезда латинизма *pasja*, русск. *пристрастить(ся)*).

Рассмотрим, соответственно, лексическую и синтаксическую сочетаемость польск. *pasja*, русск. *страсть*, а также исконно польских синонимов к латинизму *pasja* в качестве периферийных компонентов ЛСП оптативности.

Польск. *pasja* (как уже упомянуто в процитированной аннотации) может быть *szlachetna* «благородная» и *twórcza* «творческая». Могут быть также: *pasja badawcza* «исследовательская страсть, страсть к исследованию, -иям чего-либо», *pasja naukowa* «научная страсть», *pasja bibliofilska* «библиофильская страсть, страсть библиофила», *pasja zbieracka* «страсть к коллекционированию», *pasja malarska* «художественная страсть, страсть художника», *pasja myśliwska* «охотничья страсть», *pasja karciana* «страсть к картам, картежная страсть».

Существительное *pasja* употребляется с род. п. существительного, номинирующего объект страсти: *pasja czytania* «страсть читать/к чтению», *pasja pisania* «страсть писать/к писанию», *pasja poznania (czegoś)* «страсть познать что-либо / к познанию чего-либо». *Pasja* также может употребляться и с предложно-падежной конструкцией с предлогом *do*: *Pasja pracy* и *pasja do pracy* «страсть трудиться / к труду». Глаголы, инициирующие возникновение состояния «*pasji*»: *budzić* «возбуждать, пробуждать», *zaszczepiać w kims pasję (do czegoś)* «пробуждать, прививать кому-либо страсть к чему-либо». Сама *pasja* может *ogarnąć (kogoś)* «охватить кого-либо», *opanować (kogoś)* «овладеть кем-либо». Человек может *mieć jakąś pasję* «иметь какую-либо страсть». Что-то или кто-то может *być* или *stać się czyjąś pasją* «быть или стать чей-либо страстью/увлечением» (ср.:...muzyka była aż taką pasją Jennifer [Wiśniewski 2001:248]). Форма плюратива *pasjami* входит в состав фразеологизма *lubić coś pasjami* «обождать кого-либо».

Уже в переводах на русский язык вышеприведенных синтагм с лексемой *pasja* прослеживаются как различия, так и совпадения в лексической и синтаксической сочетаемости польск. *pasja* и русск. *страсть*. Так, представлено различие в синтаксической сочетаемости с существительным, обозначающим объект ‘страсти’: если для польского *pasja* – это предложно-падежная конструкция с *do* или родительный беспредложный, то русск. *страсть* употребляется либо с существительными в дат. п. с предлогом *k* (*страсть к чему-либо: к чтению, рисованию, коллекционированию* и т. д.; ср.: Еще безуспешнее было старание красави-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

цы вдохнуть в своего товарища *страсть к какому-нибудь занятию, к чему-нибудь*, о чем бы он мог вымолвить слово. [Одоевский 2007: 635]), либо с невозможным в данном случае для польского языка инфинитивом (*страсть рисовать, писать, читать, коллекционировать* и т. д.).

В литературе XIX в. встречается и аналогичное польскому сочетанию *pasja czego (czytania* и т. д.) употребление субстантива *страсть* с беспредложным родительным падежом существительного, называющего объект страсти. Ср. у В.Ф. Одоевского в «Черной перчатке»: Графиня бросилась в эту пропасть с жаждою наслаждений, шума, разнообразия, танцев, волокитства (о компонентах ЛСП оптаивности, континуирующих **żęd-*, см. в [Ананьева 2009]), – граф с разжженной, свежее *страстью честолобия* [Одоевский 2007: 546].

Как по-польски, так и по-русски можно что-то делать *z pasją* «со страстью» (ср.: *pracować z pasją*). По-русски говорят: быть увлеченным чем-либо *до страсти* (увлечен книгами *до страсти*).

Существительное *страсть* в значении ‘сильная чувственная любовь’ употребляется с глаголами с семантикой «повышенной температуры»: (*вос*)пылать *страстью*, гореть *страстью* (ср. ниже то же для польск. *patiętność*). Жаркий, горячий характер этого чувства выражен и в соответствующих эпитетах, например, *пылкая страсть*. Ср.: *страстью пылкой утомляйся / И за чашей отдыхай* [Пушкин. Гроб Анкреона]. «Градус» этого чувства может меняться: *страсть* может усиливаться, разгораться, разжечься, а может остывать, угасать (ср.: *страсть сильнее становится* [Пушкин. К Наталье] и *постылый* как определение бывшего предмета страсти, любви). Страсть, особенно любовная, проявляет «этимологическое родство» со страданием, подобно которому она *терзает, мучит, изнуряет* человека. Ср. в «Изменах» у А. Пушкина: Все миновало / Мимо промчало / Время любви. *Страсти мученья* / В мраке забвенья / Скрылися вы. У Арсения Тарковского в «Чистопольской тетради» глагол «*терзать*» относится и к *страсти* (=любви), и к скорби: В последний раз ты говоришь о *страсти*, / Не *страсть*, а *скорбь терзает* наши души. [Тарковский 2008: 43].

Как и в польском языке, в качестве глагола каузирования состояния страсти употребляется глагол с корнем *буд’-/бужд-* (польск. *budz-/budź-*): *возбуждать / возбудить страсть*, а также глаголы с семантикой «горения» (например, *зажечь* в ком-либо *страсть*). Пример из «Привидения» В. Ф. Одоевского: Ее муж смотрел на это сквозь пальцы и, казалось, еще радовался, что его жена имеет случай кокетничать и *возбуждать страсть* молодых офицеров [Одоевский 2007: 470]. *Страсть* ‘любовь’ может быть *безответной* и тем самым *безотрадной* (Нет, пуше *страстью безотрадной* / Татьяна бедная горит [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. XXIII]. Этому чувству трудно противостоять (*не(пре)одолимая, неукротимая, необузданная страсть*: Так точно ду-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

мал мой Евгений / Он в первой юности своей/Был жертвой бурных заблуждений/И необузданных страстей [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. IX]. Оно имеет всепоглощающий, порабошающий человека (ср. *раб страстей*) иррациональный характер (*безумная страсть, безрассудная страсть, слепая страсть*). Внезапный характер страсти, ее интенсивность подчеркивают прилагательные и существительные, непосредственно или опосредованно определяющие существительное *страсть*: *взрыв страсти, бурная страсть, мятежная страсть* (Мы любим слушать иногда / *Страстей чужих язык мятежный* [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. IV. XVIII]; Но чаще занимали *страсти* / Умы пустынных моих. / Ушел от их *мятежной власти* / Онегин говорил об них [Ibid]).

Человек, охваченный «нежной страстью», не может оставаться спокойным, он «трепещет» (На милую стремить томленья полны очи / И *страстью трепещать* [Пушкин. К ней]). К страсти (чужой) можно относиться легкомысленно, «играть» ею. Ср.: Как ветерок / Ранней порой / Тонкий листочек / С резвой волной / Так непрестанно / Непостоянно / *Страстью играл* [Пушкин. Измены]. Но пушкинское «*легкомыслие страстей*», примененное к Татьяне, писавшей Онегину, употреблено в ином смысле: легкомыслие возникновения страсти (=любви): Ужели не простите ей / Вы *легкомыслия страстей?* [Пушкин. Евгений Онегин. Гл. III, XXIV]. С другой стороны, «*игра страстей*» также не соотносится с «*играть страстью*», поскольку означает «сменяемость, непостоянность бурных чувств» (=кипение страстей).

Существительное *страсть* (как и входящие в состав ее словообразовательного гнезда определители *страстный, страстно*) имеют и более обобщенное значение «сильное чувство», не включающее оттенка «желание»: *страсти кипели, страсти разыгрались, страстная речь* ‘т. е. полная чувства, горячая, пламенная речь’ (в отличие от *страстный взор, страстный любовник* – ср. Уж я не тот *любовник страстный* [Пушкин. Старик.]), он говорил *страстно* ‘т. е. с большим чувством, горячо’.

Многозначность лексемы *страсть* не всегда поясняется контекстом. Пример из произведения В. Ф. Одоевского «4338-й год»: «...люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же *страсти*, все те же побуждения [Одоевский 2007: 488]. «*Страсти*» здесь может означать и ‘сильные, горячие чувства’ и ‘сильные увлечения’. В другом контексте в той же повести плюратив «*страсти*» обозначает скорее всего ‘сильные, горячие чувства; запальчивость, безрассудность’: «Это постановление имело, сверх того, спасительное влияние на уменьшение тяжб: всякий успевае одуматься, а закрытие присутственных мест препятствует тяжущимся действовать в минуту движения *страстей*» [Ibid: 498]. Ср. также в «Черной перчатке»: Более всего старайтесь умерять свои *страсти* и даже совсем уничтожать их - после

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

этого все будет легко [Одоевский 2007: 540]. Та же неоднозначность представлена, например, в следующем четверостишии Арс. Тарковского, обращенном к М. Цветаевой: Не дерзости твоих *страстей* / И не тому, что все едино. / А только памяти твоей / Из гроба научи, Марина!» [Тарковский 2008: 41].

Страсть как ‘увлечение’ может быть амбивалентна: в зависимости от того, что является предметом этой страсти, субстантив *страсть* определяется адъективами положительной или пейоративной оценки. Так, страсть к пьянству, к картам, наркотикам и т. п. безусловно определима как *пагубная страсть* (может быть *пагубная страсть* и по отношению к кому-либо, так же как и *низкая/низменная страсть*). Страсть может быть *позорной* (ср. Смерть *позорна*, как *страсть* [Тарковский. Нежная ночь в Вене]). А вот страсть помогать ближним, альтруизм, по всей видимости, относится к благородным страстям. Следует отметить, что в польском языке не употребляется словосочетание **zgrabna pasja* (например, по отношению к курению, пьянству и т.п.), поскольку здесь используется слово *nalóg* («дурная привычка, порок») – *nalóg palenia, pijalstwa* и т. п.

Красочное описание одной из «*пагубных страстей*» – страсти к карточной игре – как захватывающего всю духовную сущность человека всепоглощающего чувства, влияющего и на физическое состояние игрока, дает В. Ф. Одоевский в одной из «Пестрых сказок»: «...то таинственное чувство, которое заставляет иных совершать преступления, других изнурять свою душу мучительною любовью, третьих прибегать к опиуму, – в организме Ивана Богдановича образовалось под видом *страсти к бостону*; минуты за бостоном были сильными минутами в жизни Ивана Богдановича; в эти минуты *сосредоточивалась вся его душевная деятельность, быстрее бился пульс, кровь скорее обращалась в жилы, глаза горели, и весь он был в каком-то самозабвении*» [Одоевский 2007: 610].

Амбивалентную сильную склонность к чему-либо, увлечение чем-либо означает и однокоренной с существительным *страсть* субстантив *пристрастие* (*пристрастие к труду* – мелиоратив; *пристрастие к пьянству, к курению, наркотикам и т. п.* – пейоративы). Ср. слова Мирона из «Невольниц» А. Н. Островского о своем пороке – пьянстве: «Не то, чтоб у меня охота или какое к этой *дряни* [водке. – Н. А.] *пристрастие*, все от душевного огорчения [Островский 2008. 6: 8]. А у героя пьесы «В чужом пиру похмелье» купчика Андрея Титыча совсем иное *пристрастие*: «Я к *скрынке* очень *пристрастие* имею», – заявляет он [Островский 2008, 1: 276].

Употребление соответствующих прилагательных с позитивной или отрицательной семантикой со словами, номинирующими чувство состояния страсти, может зависеть и от субъективной оценки этого со-

стояния говорящим (ср. «глупое **пристрастие** к чуду» у Арс. Тарковско-го).

Русск. *страсть* (как и польск. *pasja*) противостоит *равнодушие* (польск. *obojętność, zobojętnienie*), т. е. 'отсутствие заинтересованности, увлеченности, желания что-либо делать и т. д.'.

Эквивалентом русск. *страстный* в значении 'увлеченный, горячий; вожделенный' (с ударением на первом слоге в отличие от религиозного *страстной*, *-ая, -ое* – *Страстная неделя* – польск. *Wielki Tydzień, Страстная Пятница* – польск. *Wielki Piątek* и т. п.) является польск. *namiętny*, соотносящееся с субстантивом *namiętność*. Эта генетически славянская лексема синонимична части значения латинизма *pasja*, входящих в ЛСП 'желание', обозначая: 1. 'страсть, сильное увлечение'; 2. 'пристрастие, сильное увлечение'. Она не обладает «мученической», «страдательной» семантикой, представленной в части семантического объема польского латинизма и русск. *страсть*. Ср. *namiętność do kart=karciana pasja/pasja do kart, jego pasją/namiętnością są narty* «его страсть – лыжи». В ЛСП оптативности входят, как уже было отмечено выше, адъектив *namiętny* 'страстный, пылкий' (*namiętna miłość* «страстная любовь», *namiętny myśliwy* «страстный охотник» и т. д.), наречие *namiętnie* «страстно» и пейоратив *namiętnostka* 'страстишка; слабость'.

Глаголы каузации состояния/чувства страсти, номинируемой субстантивом *namiętność*, аналогичны глаголам, употребляющимся с лексемой *pasja*, и однокоренным соответствиям русского языка, используемым для лексемы *страсть*: *obudzić, wzbudzić namiętność* «возбудить, пробудить страсть». *Namiętności* могут быть *dzikie* «дикие», *niskie* «низкие», *nieposkromione* «неукротимые», *wielkie* «огромные», *złe* «дурные». О внезапном, стремительном, бурном характере чувства «*namiętności*» свидетельствует лексическая сочетаемость субстантива: *wybuch namiętności* «взрыв страсти», *dać się porwać namiętnościom* «поддаться порыву страстей». *Namiętności* можно *podsycać* «подпитывать», *rozdmuchiwać* «фраздувать» (как огонь). О «высоком накале» этого чувства/состояния и возможном изменении его «температуры» свидетельствует сочетаемость лексемы *namiętność* с глаголами *rozpalać się* «фразгораться» и *stygnać* «остывать» (*namiętności rozpalają się, namiętności stygną*). На утрату объективного взгляда на вещи, отключение разума (ср. *безумная, безрассудная страсть*) указывает словосочетание *zaślepiony namiętnością* «ослепленный страстью». О невозможности в ряде случаев противостоять наплыву чувства «*namiętności*» свидетельствуют сочетания *holdować namiętnościom* «подчиняться страстям», *ulegać namiętnościom* (ср. русск. *быть рабом* своих страстей), *nieposkromiona namiętność* «неудержимая страсть», *nieokielznana namiętność* «неукротимая, необузданная страсть». Человек может быть *powodowany namiętnością* «ведомый страстью».

Как и *pasja*, существительное *namiętność* управляет существительным в родительном беспредложном или с предлогом *do*: *namiętność czytania, dyskusowania, grania na fortepianie, palenia papierosów* «страсть к чтению / читать, к дискуссиям / дискутировать, играть на фортепьяно / к игре на фортепьяно, курить / к курению»; *namiętność do kart (książek, sportu)* «страсть к картам (книгам, спорту)».

Подобно русск. *страстный*, польск. *namiętny* может означать и 'очень сильный, горячий', уже не входя в рассматриваемое ЛСП (*namiętne słowa, namiętny płacz, namiętny gniew, namiętny protest* и т. п.), и 'охваченный страстью к чему-либо, проявляющий исключительный интерес к чему-либо, сильно увлеченный чем-либо' (*namiętny palacz* «страстный курильщик», *namiętny gracz* «страстный игрок», *namiętny czytelnik kryminalów* «страстный читатель детективов», *namiętny zbieracz starych znaczków* «страстный коллекционер марок», *namiętny zbieracz starych druków* «страстный собиратель старопечатных книг»), и 'вызывающий вождление, чувственный' (*namiętne pocałunki* «страстные поцелуи», *namiętne spojrzenia* «страстные взгляды», *namiętne uściski* «страстные объятия», *namiętny kochanek* «страстный любовник» и под.). В двух последних значениях в прилагательном явственно выражена сема 'желание'. Те же значения представлены в производном от адъектива адвербиуме *namiętnie* (2. *całować, szeptać, ścisnąć namiętnie* 'страстно целовать, шептать, обнимать'; 3. *namiętnie uprawiać sport* «увлеченно, с увлечением заниматься спортом», *namiętnie trenować* «увлеченно/с увлечением тренироваться», *namiętnie lubić polowanie* «страстно любить охоту», *namiętnie lubić łowienie ryb* «страстно любить рыбалку» и т. д.).

Корень, восходящий к **mьnĕti*, представлен также в таких компонентах ЛСП оптативности, как *zapamiętałość* «страстность», *zapamiętały* «страстный», *zapamiętałe* «страстно», *zapamiętanie* «страстность, самозабвение, иступление». Здесь значение 'страстно, горячо' сформировалось на базе старого значения глагола *zapamiętać* 'забыть' (антонимичного современному его значению 'запомнить'). Делать что-то «*zapamiętałe*»=делать что-либо, забывая обо всем и всех, целиком погружаясь в действие, отдавая всего себя ему (ср. русск. *самозабвенно*). Ср.: *zapamiętały gracz* «страстный игрок», *zapamiętały myśliwy* «страстный охотник», *zapamiętały (=namiętny) zbieracz sztuki ludowej* «страстный коллекционер предметов народного искусства», *zapamiętały w pracy* «страстно увлеченный работой», *zapamiętały w gniewie* «страстный (забывающий себя) в гневе» и др.

Наиболее ярко «жаркой» семантикой насыщены переносные употребления польского глагола *zapalić (się)* и чешского соответствия *zapáliti (se)*, а также дериватов от них для обозначения понятий, связанных со страстью: *ktoś zapalił się do malarstwa* «кто-то страстно увлекся живописью» (т. е. испытывает горячее желание рисовать или осматри-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

вать / изучать произведения живописи), *on zapalił się do czynu* «им овладела жажда деятельности, он загорелся желанием действовать». Глагол каузации возникновения этого состояния – *zapalić* (*on zapalił go do czynu* «он побудил его к действию, т. е. каузировал желание действовать») также входит в указанное ЛСП. От *zapalony* ‘страстный, горячий’ (*zapalony myśliwy* = *zapamiętały myśliwy* «страстный охотник») образован дериват *zapaleniec* ‘увлекающийся человек, энтузиаст’. То же касается чешск. *zapálený* (2. увлеченный, отдавшийся чему-либо со страстью), соотносящегося с переносным значением глаголов *zapáliti (se)* ‘зажечь(ся), увлечь(ся)’.

Подведем некоторые *итоги*.

1. Только часть значений польского латинизма *pasja* и русского континуанта праславянского **strastь* (и их производных) входят в ЛСП оптативности в качестве его периферийных компонентов.

2. Кроме латинизма *pasja* (и производных от него), в польском языке компонентами ЛСП оптативности являются также исконные и этимологически однокоренные лексемы *namiętność* и *zapamiętałość* (а также составляющие их словообразовательных гнезд).

3. В польском языке отсутствует лексема **straść* не только в качестве компонента ЛСП оптативности, но и с какими-либо другими значениями, в отличие от чешского и русского языков. Однако чешск. *strast*, обозначая ‘страдание’ (наряду с синонимичным *strádání*), в отличие от русск. **страсть** (имеющего помимо «страдательной» семантики, значения, связанные с категорией оптативности), не является компонентом ЛСП желательности. В польском также крайне слабо репрезентирован морфонологический вариант данного корня со звонким **d** (**strad-**) в значении ‘лишение, утрата’ (только в *postradać zmysły* «лишиться ума, пострадать умом»), в то время как в русском и чешском корень **strad-** широко употребим с семантикой ‘страдание, муки’ (в чешском во мн. ч. также ‘лишения’). На более ранних этапах исторического развития польского языка корень **strad-** был представлен шире (**stradny**, **stradnik** «несчастный, убогий»), но также занимал, скорее всего, периферийное место по сравнению с основной исконно славянской лексемой, номинирующей ‘страдание, муки’, – **cierpienie**. В современном русском языке ситуация противоположная: основными для номинации состояния претерпевания мук являются лексемы с корнем **страд-** (**страдать**, **страдание**), континуант ***trpěti** в этом значении находится на периферии (ср. **страстотерпцы**, Христос **терпел** и нам велел).

4. Привлеченные для лексико-семантического анализа лексемы польского, русского и чешского языков демонстрируют, несмотря на сравнительно небольшой их инвентарь, проявление общеизвестных

тенденций в формировании лексического состава указанных трех языков, в частности, различие в этом отношении между польским и чешским языками. Если история первого не прерывалась, что позволяло ему спокойно воспринимать и сохранять иноязычные элементы (ср. сохранение многозначного латинизма *pasja*, функционирующего наряду с *namiętność* и *zapamiętałość*, латинизма *kondolencja*), то при возрождении в XIX в. чешского литературного языка (после перерыва в его развитии в XVII – XVIII вв.) на основе языка чешских памятников XVI в. и с учетом соответствующих образований в других славянских языках (в том числе и в русском) проявляются пуристические тенденции (устранение заимствований и замена их славянскими эквивалентами) – ср. использование в качестве компонента ЛСП желательности лексемы *vášeň*, сохранение лексемы *strast* в значении ‘страдание’, употребление в качестве эквивалента русск. *сострадание* также славянской лексемы *soustrast* (при функционировании в польском латинизма *kondolencja*). Из всех значений латинизма *pasja* в чешском представлен только религиозный термин *pasjonál* «жития святых», известный также в польском языке.

5. В качестве компонентов ЛСП дезидеративности польские лексемы **pasja, namiętność, zapamiętałość** демонстрируют близость своей лексической и синтаксической сочетаемости. Семантика глаголов и прилагательных, соотносящихся с этими словами, обычно совпадает со значениями лексем, сочетающихся с русской лексемой **страсть** (ср. **nieposkromiona namiętność – неукротимая страсть, wzbudzić pasję – возбудить страсть, страсти rozgorzały – namiętności rozpalaly się** и под.).

Лексическая сочетаемость выявляет следующие свойства данного номинируемого состояния / чувства: интенсивность, сила проявления; внезапный и стремительный характер; подобие огню (разжигаемому и гаснущему) и, соответственно, обладающему жаром, «высокой температурой», которая может изменяться; иррациональный характер; невозможность сопротивления этому состоянию (антирезистантность).

Страсть как увлечение может быть амбивалентна: в зависимости от того, что является предметом этой страсти, она определяется адъективами положительной или пейоративной оценки.

6. Различия в синтаксической сочетаемости между русск. **страсть** и польск. **pasja** на синхронном уровне представлены, в частности, в форме номинации объекта страсти: в русском – это существительные в дательном падеже с предлогом **к** или инфинитив (**страсть к чтению, страсть читать**), в польском – это существительные либо в форме родительного беспредложного (**pasja czytania**), либо родительного с предлогом **do** (**pasja pracy // pasja do pracy**). Для более раннего периода возможны иные соотношения (ср. «страсть честолюбия» у В. Ф. Одо-

Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 38. – 200 с. ISBN 978-5-317-02898-5

евского). С чешск. **vášeň** употребляется существительное в винительном падеже с отсутствующим в польском предлогом **pro (vášeň pro opalování** «страсть загорать»).

7. Существительные «*страсть*», «*pasja*», «*namiętność*» и соотносимые с ними однокоренные слова, выражая крайнюю степень интенсивности данного чувства / состояния, особенно широко употребляются в наиболее эмоционально маркированном дискурсе – языке лирической поэзии, а также в прозаических и драматургических произведениях XIX в. при наличии в них любовных коллизий.

Высокий книжный характер лексем *страсть, pasja, namiętność* отражен и в соответствующем характере сочетающихся с ними слов. Ср. для русск. *страсть*: **порабощен страстью, необузданная страсть, неудержимая страсть, безнадежная страсть, трепетная страсть, пылкая страсть, пагубная страсть, низменная страсть** и мн. др.

Л и т е р а т у р а

- Ананьева Н. Е.* Концепт 'желание' в польском и русском языках (I. польск. **chęć – chcieć**, русск. **желание – хотеть**). Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 109 – 124.
- Ананьева Н. Е.* Концепт 'желание' в русском и польском языках (II. русск. **жажда – польск. żądza, pragnienie**) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет 20 – 23 марта 2007 года. Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 424.
- Ананьева Н. Е.* О некоторых компонентах лексико-семантического поля 'желание' в русском и польском языках (русс. *жажда* – польск. *żądza*, польск. *pragnienie*). М., 2009 [в печати].
- Виноградов В. В.* Язык художественной литературы // Вопросы языкознания. 1954, №5. С. 3-26.
- Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – С. 284.
- Одоевский В. Ф.* Русские ночи. – М., 2007.
- Островский А. Н.* Собрание сочинений в шести томах. – М.: Терра, 2008.
- Пушкин А. С.* Сочинения. – ОГИЗ, 1949.
- Тарковский А.* Благословенный свет. Стихотворения. – СПб.: «Азбука-классика», 2008.
- Opowiadania pełne pasji.* – Warszawa: Wydawnictwo MG, 2008.
- Słownik języka polskiego.* Т. I – III / Red. *M. Szymczak.* – Warszawa, 1978-1981.
- Wrtel-Wierczyński S.* Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do roku 1543. – Warszawa, 1969.
- Wiśniewski J.* Samotność w sieci. Трыптык. – Warszawa, 2001.